

ХАРАКТЕРЫ

ОРГАНИЗМ АКТЕРА

(Окончание. Начало на стр. 9)

Если меня пригласили преподавать, то я считаю, что я должен учить студентов по своей методологии — точнее, разговаривать с ребятами, советовать им то, что я сам знаю, а не то, что известно вообще. Так, из-за несоблюдения определенных правил я постепенно вошел в конфликт с руководством. При этом я был не против какого-то декана, я против самой системы преподавания.

— А если бы вас сейчас попросили вернуться, то что бы вы ответили?

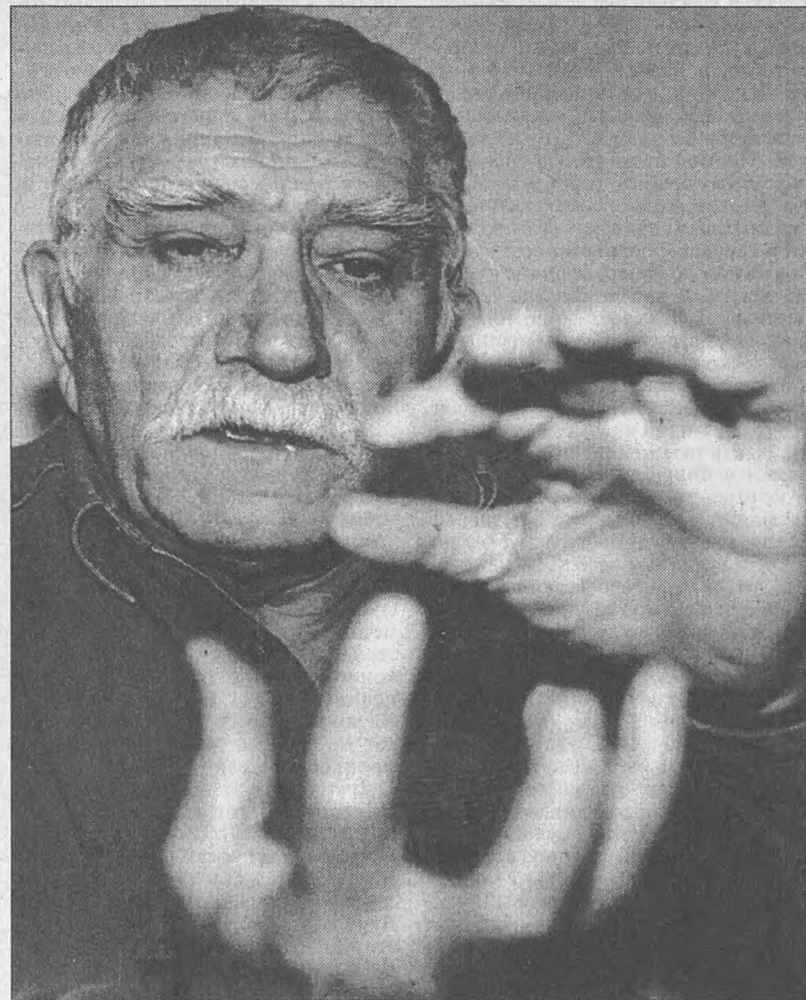
— Нет, ни во ВГИК, ни в другой творческий институт я не вернусь. Меня не устраивает это. Если хватит у меня здоровья, то при театре я сам буду обучать молодежь. Я знаю, как это делать. Надо внедриться (правда, эту идею могут сразу же украсть) в среднюю школу (это 8–10-е классы). Ничего там не ставить — но проводить систему тестов. У психологов существуют тесты, которые проверяют нервную возбудимость, заразительность. Вот пример, который я всегда привожу. Если пойти в зоопарк, то в клетке можно увидеть сразу несколько обезьян. Но лишь одна из них манит, привлекает, на нее интересно смотреть, она выразительна, она заражает, она обладает гипнотизмом. Вот это я и проверил бы у ребят. И тогда после окончания школы пригласил бы их в студию при театре, и с первого дня они окунулись бы в жизнь театра. Конечно, были бы занятия по мастерству, сценической речи, но в соприкосновении с театром. Через один-два года можно уже выходить на сцену. И никаких вступительных экзаменов с чтением стихов, басен у меня бы не было. Все это полная чушь. Способные к сценическому творчеству ребята должны быть заразительны, гипнотичны. То есть — это умение рассказать анекдот, умение сказать слова: «Я тебя люблю» так, чтобы пробежала дрожь по телу, умение заплакать так, чтобы сердце на куски разрывалось.

— Исходя из каких соображений вы решили создать собственный театр?

— У меня был курс, который остался на улице. Я подумал: жалко, ведь у нас были готовые спектакли. Если бы я тогда знал, что создание театра — это такое мутное дело, то, честно говоря, никогда бы не стал заниматься этим.

— Ваш театр существует более четырех лет. Что удалось сделать за этот период?

— Пока ничего. Мы только на пути к театру. Театр создается долго, гораздо дольше семьи. Да, у нас есть репертуар, состоящий из семи спектаклей, но я не такой наивный, чтобы считать, что у нас уже нормальный театр. Очень сложно что-то начинать с нуля, особенно такое дело, как театр.

Армен Джигарханян.
Фото Артема Чернова (НГ-фото)

— Как художественный руководитель вы — диктатор или старший советчик?

— Пока еще не знаю. Самое сильное во мне то, что я актер, клоун. Поэтому и в методах руководства я пользуюсь этим. Иногда попадаю впросак, понимаю, что не прав. Я не боюсь этого, я уже ничего не боюсь. Я, как говорил в одной пьесе, вслушиваюсь в свои желания и удовлетворяю их. Поступаю, как подсказывает мне мой организм, а не мозг: это хорошо, а это нет. Я могу обидеть людей, но иначе нельзя, ибо паршивая овца может все стадо испортить. Но я ни в чем не уве-

рен. «Проверять и сомневаться», — говорил Сократ. От себя добавлю: «Надо себя не обманывать».

— Какие качества вы воспитываете в своих актерах?

— Я не воспитываю, воспитанием надо заниматься с роддома. Есть известная история, когда мать приводит к врачу своего ребенка и говорит: «Доктор, мой сын очень нервный. Расскажите, как мне его воспитывать». Врач спрашивает: «А сколько лет ребенку?» Женщина отвечает: «Четыре года». «Вот на четыре года и опоздали», — говорит ей врач.

На мой взгляд, есть один способ общения — договориться. В этом проявляется порядочность людей. Мы должны договориться, условно говоря, что перед выходом на сцену мы не будем есть чеснок, потому что запах чеснока будет мешать. Я как старший и человек, который отвечает здесь за все, постараюсь уговорить актера, в крайнем случае скажу, что меня это не устраивает.

— А часто получается договориться с актерами?

— К сожалению, не часто, потому что мне много лет и я много знаю про театр. Поэтому мне так просто «лапшу на уши не повесишь». Иногда актеры говорят: «Да, да, да. Сейчас все сделаю, как вы сказали». Но я-то знаю, что это все останется только на словах. Нигде нет такой разницы между черным и белым, как в искусстве. Чудовищная амплитуда. Мексиканские сериалы — это кино, Феллини — это тоже кино, но какая огромная между ними пропасть! Ни в одной профессии нет такого.

— В Москве около 200 театров, у многих из них большая история и громкие имена. А как, по-вашему, почему люди приходят еще и в ваш театр?

— Это очень трудный вопрос. Никто не знает, что происходит на самом деле. Есть привязанность, есть любопытство, которое, быть может, является одним из главных зрительских чувств. Говорят: «Интересно, как это Джигарханян с Чуриковой там любовь играют?» Это неплохо. Но самый главный для меня зритель — это человек, у которого есть проблема. В зале может быть только один такой зритель, его может не быть сегодня вообще, или он может не знать, что у него не все в порядке. Но я работаю именно для такого зрителя, от меня идут к нему биотоники, и ему становится лучше.

— А может быть, зрителей привлекает ваше имя?

— И это тоже. Таких я и называю «любопытные». Есть хорошие любопытные. «Мы думали, что он уже совсем постарел и уже не умеет играть, а нам сказали, что хорошо играет. Надо посмотреть», — говорят они и приходят. Я не против таких зрителей.

— Как вы считаете, без чего актеру нельзя выходить на сцену?

— Без совести. На сцену надо выходить, если есть чем поделиться. Поверьте мне, это не пафос. Должна быть необходимость. Это как в любви: ты хочешь быть с человеком только потому, что ты любишь. И в этом твое

предназначение. Можно, конечно, и просто так, но быстро при этом устает. Становится все неинтересно, начинаешь ненавидеть людей, сидящих в зале. То есть должна быть внутренняя потребность, такой внутренний зуд.

— Когда вы на сцене, то вам важно, что думают о вас зрители?

— Мне это совсем не важно, потому что то, что они думают, я никогда не узнаю. А слово сказанное часто есть слово ложное. Поэтому рецензии я никогда не читаю, мне это неинтересно.

— А что тогда важно для вас, когда вы на сцене?

— Уговорить, соблазнить зрителя, обмануть, привлечь, загипнотизировать. Вот это важно.

— Однажды вы сказали: «Мне надо влюблять в себя других, удивлять их и как-то бороться за эту любовь и удивление». А есть ли у вас какие-нибудь выработанные методы для достижения этой цели?

— Если бы и были, то я бы не сказал. Но таких методов нет. Это потребность, это зуд. Я не занимаюсь шаманством, но это область, в которой пока никто не разобрался, — это то, что называется творчеством. Есть замечательная книга Фрейда «Возвращение детства» про Леонардо да Винчи. Тем, кто хочет разобраться в творчестве, я советую прочитать эту книгу. Из нее можно понять, что такое творить вообще. Необязательно играть на сцене или в кино, творить может и хирург. То есть не просто делать свою работу, а создавать что-то. В этой книге можно найти ответы на многие вопросы, которые касаются творчества, но в то же время можно прийти к заключению, что ответов нет вообще. Ибо это — как в любви, то есть — это биологическая потребность, это хотение. А кто может объяснить, что такое хотение? Никто.

— Заработанные деньги для вас — это вознаграждение или зарплата?

— Я мог бы обойтись и без денег, если бы без них мне в магазине что-нибудь давали. Но поскольку без них ничего не дают, я люблю деньги. Глубоко убежден, что каждый труд должен быть оплачен в соответствии с тем, какую пользу он приносит. Поэтому заработанные деньги — это для меня зарплата. Я не прошу вознаграждения, я прошу свои деньги.

— А как бы вы могли перевести свою фамилию?

— «Джигяр» — это печенка по-турецки, а еще говорят, что «джигяр» — это

душа. «Хан» — хозяин. Так, что я — душевный хан, если обо мне хорошо думать. А если плохо, то я хозяин печенки.

— А вам самому кем хочется быть?

— Уже никем. Мне все равно.

— А правда, что вы занесены в Книгу рекордов Гиннесса как самый снимаемый актер России?

— Я не видел эту книгу, но мне говорили об этом факте. На самом деле отношусь к этому равнодушно. Для меня важно лишь мое здоровье, а все остальное мне мало интересно.

— Какой фильм, в котором вы снимались, наиболее вам запомнился и почему?

— Пока никакой. Когда я уйду из искусства, выйду на пенсию — тогда буду вспоминать. Надеюсь, что меня ждет впереди еще какое-то потрясение, еще какая-то любовь. В данный момент я не хочу подводить итоги.

— Вы любите отдыхать? Какой вид отдыха для вас наиболее приемлем?

— Очень люблю поспать, почитать, посидеть с моим котом, музыку послушать, погулять.

— А где вы любите гулять?

— Где тишина и мало народа. Но места я вам не назову, а то кто-нибудь сразу приедет, и мой покой нарушится. Я люблю уединение. Мне не скучно с самим собой, не казните меня за нескромность.

— Как-то в прессе сообщили, что вам удалось бросить курить. А как обстоят дела с этим сейчас?

— Уже четыре года не курю, и даже нет желания.

— Как складывается ваш обычный день, например, сегодняшний?

— Утром встал, позавтракал, приехал в театр. Была одна телевизионная компания, потом другая. Сейчас с вами разговариваю. Потом поеду в гости, вкусно там покушаю и вечером поеду домой спать.

— То есть утром уходите из дома и только поздно вечером возвращаетесь?

— По-разному. Иногда целый день сижу — на улице неохота выходить. Раз на раз не приходится.

— Армен Борисович, а вы можете рассказать о своей первой любви?

— Нет, я уже не помню, а выдумывать не хочу. Вообще я человек влюбчивый и могу моментально влюбиться. Я влюбляюсь в пьесу, актера, режиссера и т.д. Это такая же чувственная любовь, как любовь мужчины к женщине. Вот, помню, была актриса Зара Ляндрэ, ее я долго любил.

— Сейчас очень много говорят о свободе слова. Что значит это понятие для вас?

— Я понятия не имею, что это такое, точно так же, как не знаю, что такое свобода совести. Я знаю чистый быт, знаю, когда уборная не пахнет, когда в ней чисто. То есть я знаю культуру быта. И думаю, что это

очень важная вещь, которая определяет культуру народа. А в свободе слова я никогда не нуждался, так как не был приперт к стенке. Зачем говорить дуракам правду? Я очень субъективен. У меня есть театр, в котором, выходя на сцену, я говорю то, что думаю. Больше мне ничего не нужно.

— У вас много настоящих друзей?

— Думаю, что настоящих друзей бывает всегда мало. Мне уже 65 лет, и я много знаю о жизни. Если у человека найдется один или два друга — это уже хорошо.

— Вы уверены в своих друзьях?

— Я ни в ком не уверен. В друзьях уверен более или менее, так как они проверены временем. Но больше всего я полагаюсь на самого себя.

— Раньше вы снимались в рекламе. А как вы думаете, если политический деятель снимается в рекламе — это нормально?

— Если министр или депутат Думы рекламируют сэндвичи, то это не их дело, а если они рекламируют какую-нибудь партию — то это нормально. Реклама — это серьезное искусство. Вот я снимался и понял, что это не мое дело, так как я актер, умеющий играть процесс. А в рекламе надо выдать результат. На Западе есть рекламные артисты, и я считаю, что так и должно быть. А у нас пока нет культуры рекламы.

— Мечтаете ли вы о какой-нибудь роли, которую пока не удалось сыграть в кино?

— Все роли я уже сыграл, потому что важно не название роли, а о чем она. А если во мне что-то болит, у меня есть проблема — то я ее сыграю. Ибо роль — это повод сказать зрителю о том, что во мне болит.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Армен Борисович Джигарханян родился в 1935 г. в Ереване. В 1953–1954 гг. работал помощником оператора на киностудии «Арменфильм». В 1958 г. окончил Ереванский художественно-театральный институт. В 1955–1967 гг. — актер Русского драматического театра имени Станиславского в Ереване. Затем в 1967 г. был приглашен Анатолием Эфросом в театр имени Ленинского комсомола, а с 1969 г. работал в Театре имени Маяковского. В 1996 г. открыл со своими учениками Московский драматический театр под руководством Армена Джигарханяна. Считается одним из самых снимаемых в кино российских актеров — он сыграл почти в 200 фильмах.